

Старо как Рим

«Россия—Италия» в Музее изобразительных искусств

Выставка классика

Коммерсантъ № 205 - 8 апреля - с. 21

В ГМИИ имени Пушкина открылась выставка «Россия—Италия. Сквозь века. От Джотто до Малевича». Выставку, сделанную под личным патронажем президентов двух стран, посетил СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Писать про эту выставку, признаться, даже сложно. Она ускользает от привычного формата рецензии, где можно, скажем, вывести на чистую воду кураторов, порассуждать о степени актуальности темы, остановиться на главных и наиболее ярких экспонатах. Тема «Россия и Италия» относится к разряду вечнозеленых, как елка или как лавр, и к тому же неисчерпаема — какая уж тут неактуальность. Что касается кураторов, то здесь перед ними стояла отнюдь не надобность изящно и концептуально обрабатывать зрительское восприятие, чтобы видимые масштабы культурной значимости события были повнушительнее. Куда тут расширять, тут, наоборот, нужна была некоторая мера самоограничения, чтобы смотрелись стройно и дружно все эти роскошные мини-выставки внутри большой экспозиции: византийское наследие в России и Италии, римские архитектурные достопримечательности и русский неоклассицизм, XIX столетие в живописи там и здесь и так далее. А что до главных и наиболее ярких экспонатов, то если останавливаться на всем, что попадает в эту категорию, выйдет просто длинное перечисление с восхищенными интонациями. А как иначе, если на этой выставке есть — навскидку — «Donna velata» Рафаэля, «Клевета» Боттичелли, женская головка («La Scarpigliata») Леонардо, наброски Микеланджело, титиановский портрет Пьетро Аретино, мраморный Урбан VIII работы Бернини. И плюс еще десятки столь же без преувеличения легендарных драгоценностей, наших и итальянских — действительно от Джотто (и Рублева, и Дионисия), действительно до Малевича (и де Кирико, и Модильяни).

Точнее, начинается все даже раньше Джотто. Фрагмент мозаичного декора венецианского Сан Марко с фигурами плачущих женщин датирован и вовсе XI веком. Им и открывается экспозиция в Белом зале, наполненную посвященная, как оказывается, русской иконописи (по необходимости краткий, но представительный экстракт из шести столетий, в который чудом поместилось все, что можно: и ранние шаги региональных школ, и Рублев с Диониси-

С итальянской культурой в лице Рафаэля встречается русская в лице Беллы Ахмадулиной (слева) и Бориса Мессерера — автора дизайна экспозиции
ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

ем, и Оружейная палата). С итальянской стороны за византийское наследие на свой лад веско отвечают Джотто (поздний образ со святым Стефаном), Дуччо и Паоло Венециано. Но, как ни странно, едва ли не красноречивее, чем живопись, выглядят древние предметы драгоценной церковной утвари, немногочисленные, но колоритные в силу какого-то синтетического, полужезотического царственного великолепия. Как наши потиры, где ножка и поддон европейско-готические, а чаша — сущий Третий Рим. Или огромная курильница из ризницы Сан Марко, отдаленно напоминающая сам Сан Марко и при этом как-то немислимо сплетающая арабские, византийские и норманнско-сицилийские влияния.

И так не только со Средневековьем. Эта выставка, пожалуй, многослойна, потому что за фантазмагорическим обилием живописных шедевров, о которых можно было только мечтать, все-таки отчетливо предьявляется и неживописная проблематика. Например, раздел, посвященный XVIII и

началу XIX века, впечатляет не только невиданным созвездием римской и венецианской школ, не только нашими хрестоматийными Левицким и Боровиковским, но и внушительным присутствием архитектуры. Архитектура вообще одна из приоритетных тем выставки, да и как делать выставку «Россия—Италия», забывая о Фиорованти, Растрелли и Кваренги. Но тут не только они; итальянское зодчество представлено в виде протяжного экскурса, который начинается с макета купола Санта Мария дель Фьоре собственноручной работы его автора Филиппо Брунеллески. И сопровождается он хрестоматийными ренессансными ведутами «идеальных городов», вошедшими во все учебники, и красиво раскрытыми трактатами, на столетия определившими развитие европейской архитектуры, — Паллидио, Серлио, Виньола. Через галерею, где среди прочего висят Каналетто и Белотто, архитектурная тема переходит в торцевой зал над лестницей, и здесь уже меняется акцент: не просто русская рецепция

итальянской архитектуры, а скорее обращение к итальянским образам как средство выражения мечты о гармонии, соединенной с величественностью и ничего при этом не теряющей. И в этом смысле не осуществленные полностью замыслы Смольного монастыря Растрелли (представленные знаменитым гигантским макетом) очень спокойно смотрятся вместе и с проектами мемориальных храмов Воронихина и Кваренги, и с градостроительными утопиями Фомина.

Что же до чисто живописных сопоставлений, то особенно любопытно выглядит раздел, посвященный XIX веку. Здесь появляется уже прямая, хоть и ненавязчивая парность, и это приятно. Во-первых, потому, что итальянский XIX век вообще-то не принадлежит к тем эпохам живописи, которые у нас в совершенстве знакомы, а во-вторых, зрителю представляется возможность обнаружить, что итальянская живопись этого времени вызывает пленительное ощущение дежавю, особенно рядом с нашей. Есть свой гладенький академизм, свои Силь-

вестры Щедрины, Федоры Толстые, Крамские, Серовы и Репины, и все это смотрится удивительно по-родственному.

Когда эта выставка гостила в Риме, ее так и организовали — по столетиям, последовательно и ровно: вот XIV век, вот XV, вот XVI и так далее вплоть до авангарда. В Москве все не так прямолинейно, создается ощущение, что в целом вот этого академичного «взгляни сюда, вот два изображения» Пушкинский музей и не имел в виду, развешивая у себя эту выставку. В рамках отдельных сюжетов — да, есть. Но при общем взгляде любые попытки выявить разность, сходство или какую-то диалогичность размываются, а мелкие сюжеты отходят на второй план. Остается только пиршество для глаз, и такое, что даже не очень важно, как именно оно структурировано. Ну что ж, в этом тоже есть нечто и родное, и традиционное — именно так, в виде несбыточного парадиза, грандиозного потока разнородных впечатлений, где разом и Возрождение, и антики, и Гвидо Рени, русская культура и привычка воспринимать итальянскую.